

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н.П. Лукина

Статья посвящена анализу статуса экспертного знания в меняющемся когнитивном пространстве информационного общества. Анализ проведен в методологическом и социологическом аспектах. С методологической точки зрения рассмотрен вопрос о содержании и способах получения экспертного знания в контексте норм и требований, предъявляемых к знанию как эпистемическому продукту. Социологический анализ преследует цель выявить влияние социальных факторов на формирование и деятельность экспертного сообщества, определяющих характеристики экспертного знания.

EPISTEMOLOGICAL STATUS EXPERTISE IN KOGNITIVNOM AREA INFORMATION SOCIETY

N.P. Lukina

This article is devoted to the analysis of specificity of expert knowledge in varying cognitive space of an information society. The analysis is spent in methodological and sociological aspects. From the methodological point of view the question is on the maintenance and ways of reception of expert knowledge in a context of norms and the requirements shown to knowledge as epistemological product is considered. The sociological analysis pursues the aim to reveal influence of social factors on formation and activity of the expert community, defining characteristics of expert knowledge.

Современная теоретико-познавательная ситуация отмечена парадигмальным сдвигом от классической к неклассической эпистемологии, рефлексивной по поводу новой когнитивной реальности: многообразия форм познания, их социокультурной детерминации, вариативности истины, усложнения процедур производства и трансляции знаний. Переход к неклассической эпистемологии ознаменовался перефокусировкой внимания от теории к сценариям, проектам и прогнозам, от метода к дискурсу, от понятия к метафоре, от истины к консенсусу [7. С. 80]. Обострился интерес к институциональным проблемам получения ново-

го знания как функции социальной структуры, к коммуникации как способу существования и передачи знания.

Наряду с устоявшимися названиями современного технологически развитого общества, как общества информационного, технотронного, общества знания, когнитивного капитализма, существует представление об обществе, в котором во всех сферах жизни начинают доминировать «экспертные системы» (см. [8]).

Проблема специфики экспертного знания может быть сформулирована в русле современных тенденций изменения роли науки и ее институциональных форм в информационном обществе, в контексте его когнитивных, социальных и экономических трансформаций. В обширном массиве информации, циркулирующей в интернет-пространстве, можно обнаружить электронные публикации, мультимедийные продукты, научные и культурные базы данных, т.е. новые и многоликие формы знания, которые требуют квалифицированного арбитража. В условиях провозглашенного перехода от информационного общества к обществу знания требуются каталогизация имеющегося знания, его классификация, поиск надежных критериев различия знания, информации, данных.

Учитывая природу различных форм знания, необходимо провести разграничение между описанием фактов, информацией, методикой, отвечающей на вопрос «каким образом», объяснением, отвечающим на вопрос «почему», а также экспертным знанием.

Что такое экспертное знание в отличие от научного знания? Каково соотношение деятельности эксперта и ученого? Как складывается нормативная база функционирования экспертного сообщества?

Поиск ответов на сформулированные вопросы имеет смысл вести в границах методологического и социологического анализа.

С методологической точки зрения важен вопрос о содержании и способах получения знаний (эпистемического продукта) как результата науки и научной деятельности. Концептуализация науки и знания невозможны без включения в эпистемологический дискурс темы истины как профессионального регулятива и ценности научного познания. Таким образом, эпистемологический статус науки «связан с выделенностью науки из других продуктов культуры по ее способности давать объективную истину» [1. С. 105]. Предложенный критерий может стать отправной точкой для сравнительного анализа научного и экспертного знания.

Социологический анализ преследует цель показать влияние тех или иных социальных факторов на формирование и деятельность экспертного сообщества, которые непосредственно или опосредованно определяют характеристики экспертного знания. Например, важными представляются

исследование по социологии информационных процессов, анализ роли экспертов в системе принятия решений на различных уровнях.

Экспертное знание относится к разделу специальных знаний. Производство таких знаний осуществляется, прежде всего, в научно-технической, социальной, политической сферах деятельности и оказывает влияние на процедуру принятия компетентных решений. Для разрешения разного рода проблемных ситуаций требуется обращение «к специализированному профессиональному знанию, т.е. экспертному знанию, каким обладают – в силу их образования и опыта – лишь немногие, вполне определенные люди – эксперты» [4. С. 48].

Деятельность эксперта построена с опорой на авторитет научного знания, с методологически предписанными ему требованиями и нормами объективности, беспристрастности, следовании научному методу. Внешними атрибутами эксперта является владение аналитическими навыками для принятия решений. Отечественный исследователь С.Г. Кара-Мурза предлагает определение: «...Эксперты – очень небольшая и специфическая часть «сообщества знающих людей». Хотя они к этому большому сообществу принадлежат и питаются его «продуктом» (знанием, методом, языком), их функция – легитимировать решения политиков с помощью авторитета знания. Эта функция идеологическая, возникшая в индустриальном обществе» [4. С. 176].

Таким образом, сообщество экспертов обладает признанным статусом «осведомленного меньшинства», имеющего собственный дискурс, апробированную методологию, набор профессиональных приемов и норм деятельности, критическая рефлексия в отношении которых ослаблена или исключена. Экспертное сообщество в своей идеологической проекции выступает как инструмент манипуляции общественным сознанием, в частности, через отключение от рациональных критериев, внедрение в логическое мышление «программ-вирусов», использование слов-амеб, не обладающих прямым или глубинным смыслом. Одним из признаков экспертного знания является его терминологическая расплывчатость.

С.Г. Кара-Мурза отмечает также аутизм как методологическую характеристику экспертного знания. Аутистическое мышление экспертов тенденциозно, в нем доминирует тот или иной образ, который культивируется и навязывается обществу через манипулятивные стратегии. Аутистическое мышление отключает рациональные критерии выбора и тем самым противостоит мышлению логическому. В методологическом арсенале экспертного знания содержатся редукционизм и стереотипизация (упрощение) проблем, игнорирование критериев подобия, разрушающих логику, умолчание или некогерентные утверждения, внедрение

ложных понятий и концепций, манипуляция образами, создание мифов (см. [4. С. 199]).

Поскольку экспертиза ориентирована на производство специальных знаний, то возникает вопрос о соотношении таких знаний и повседневного, обыденного понимания.

Традиция противопоставления обыденного понимания и экспертного знания строится на основании их идеально-типического различия. У. Джемс отмечал существенное различие между двумя типами знания: тем, которое он называл «знанием о...», т.е. поверхностным знанием, и более детальным «знакомством с...», т.е. знанием, закрепленным благодаря его действительному использованию (цит. по [6. С. 407]). Мы можем воспользоваться этой классификацией для сравнения обыденного и экспертного знания. Первое (обыденное знание) приблизительно, несистематично, основано на целом ряде неосознаваемых допущений, второе (экспертное) – точное и систематическое знание, основанное на эмпирическом изучении. Последнее обстоятельство укрепляет доверие к выводам экспертов как к истине в последней инстанции.

Однако, как полагают некоторые авторы, «...более углубленное рассмотрение показывает, что экспертное знание гораздо более связано с повседневным пониманием, чем это обычно предполагается, и что в ходе экспертизы, как правило, используется методология решения проблем, свойственная повседневному мышлению» [4. С. 49]. Обыденное и экспертное знание объединяет присутствие человеческих интересов, формирующихся в повседневной практической деятельности. Но не только область интересов, внешняя по отношению к экспертизе, а и внутренняя, формальная организация экспертного знания не позволяют оторвать его от повседневности и представить как некую обособленную сферу, где царствуют строгость и объективность.

В плотных социокоммуникативных процессах информационного общества профессиональное знание и повседневное понимание проникают друг в друга. Коммуникация вмещает в себя разные типы социального и когнитивного действия, оставаясь при этом полем создания и распространения смысловых структур, обмена смысловыми конструктами, потребления смысловых единиц. В несущей конструкции социальных коммуникаций обнаруживаются перцептивные структуры, знаки и значения, образы и представления, символы, схемы и рецепты, рациональные и аффективные типы действия. Таким образом, социальная коммуникация универсально опосредует любые практики и действия, что влияет на содержание профессиональной аналитической (как научной, так и экспертной), регулятивной и управленческой деятельности в пространстве информационного общества.

Специфика экспертизы наиболее отчетливо проявляется в социальной сфере, где постановка проблемы, результаты ее решения испытывают колоссальные эпистемологические издержки в виде опоры на вне-научные знания и придание им научной формы в процессе внедрения в практику, сообразуясь с сиюминутными политическими или идеологическими целями. В отношении этого типа экспертного знания чаще всего используется понятие псевдонауки как массива публикаций или сообщений, выглядящих как научные, но направленных не на пополнение эмпирических знаний, которые научное сообщество могло бы использовать и подвергать критическому анализу, а на продвижение планов политического, идеологического или экономического порядка.

Экспертное знание активно используется для нужд социального прогнозирования и проектирования. Идея о том, что будущее можно планировать и детально предсказывать, получила развитие после Второй мировой войны, когда ряд американских мозговых центров приступил к интенсивному исследованию будущего. Способами такого исследования стали метод прогнозирования «Дельфи», разработанный в «Рэнд корпорейшн» Норманом Далки, и метод составления сценариев, предложенный Гудзоновским институтом Германа Кана (см. [3]).

Суть дельфийского метода заключается в мысленном проникновении в будущее с использованием экстраполяции тенденций, симуляции, математического моделирования, морфологического анализа, построения «дерева целей». Дельфийский метод зарекомендовал себя как наиболее эффективный, поскольку он не создает застывшего образа будущего, а служит информационной основой для принятия решений в области развития техники и технологии. Данная методология имеет отчетливо футурологический характер и реализуется посредством опроса мнений большого количества экспертов по различным темам, что позволяет выявить отправные точки в предвидении грядущих изменений и обсудить их. При повторном опросе экспертам предлагается обосновать или изменить свое мнение. Процесс опроса повторяется несколько раз с целью сближения мнений или признания невозможности такого сближения. С организационной точки зрения дельфийская методология исходит из принципов анонимности экспертизы, исключения влияния психологических факторов, например институционального или личного доминирования. Дельфийская методология опирается не только на философскую базу футурологии, но и на частные мнения и разного рода алармистские предостережения, высказанные в художественной форме (А. Кларк, А. Азимов, С. Лем).

Необходимо отметить, что наука и проектирование методологически и интенционально различаются: наука изучает то, что есть, а проектиро-

вание нацелено на то, чего нет. В этой связи особое значение имеет исследование генетической связи повседневного понимания, экспертизы и социальных наук. Отрыв социального познания от социальной практики есть результат недостаточной рефлексии ученых по отношению к лежащим в повседневности основаниям их научной деятельности. К области этих оснований принадлежит изучение связи социальных наук – их методов, понятий и теорий – с повседневным пониманием и с обыденными представлениями, входящими в состав, в том числе и экспертного знания.

В.Г. Федотова, исследователь в области социальной философии, отмечает эффективное технологическое внедрение науки в производство, медицину, в сельское хозяйство, в развитие транспорта и вооружений, «...однако ее приложение и применение для получения социальных инноваций, позволяющих приспособить общество к меняющимся условиям и новым технологиям, заметные социальные научные проекты просто отсутствуют» [7. С. 415]. Эта брешь могла бы быть заполнена сценарным прогнозированием. Сценарная методология эффективна с точки зрения присущей ей комбинаторики и перспективна в первую очередь в социальном прогнозировании. Выделяются сценарии-образы, своего рода видение направленности развития; сценарии-тренды как способ выявления тенденций возможного будущего; сценарии-проекты с интенцией конструирования желаемого будущего; сценарии-идеологии, выдвигающие привлекательные идеи и мобилизующие общество. Таким образом, сценарное прогнозирование признает многовариантность и многовекторность развития и ориентируется на конструирование будущего, опираясь не только на субъективные мотивы и предпочтения, но и на объективные предпосылки, подкрепленные научным знанием. Реализации сценарного прогнозирования препятствует, по мнению В.Г. Федотовой, вторжению в этот процесс манипулятивных практик в виде политической технологии, имагологии, заказной экспертизы. Политические технологии подменяют значимые социальные проекты разного рода пиар-акциями. Имагология искажает картину социальной реальности, выстроенную социологической наукой, виртуализируя и релятивизируя содержание реальности в целях манипулирования общественным сознанием с использованием односторонней коммуникации и провокации. Об экспертизе, в контексте манипулятивных стратегий, можно говорить как «...о деятельности группы ученых, обслуживающих властные решения, или ...как о деятельности той группы ученых, которую власть в те или иные периоды выбирает для экспертизы» [7. С. 422].

Таким образом, экспертиза является источником новой информации, однако в ходе экспертной деятельности осуществляется отбор и селек-

ция информации по признаку актуальности и включенности в континуум прикладных или фундаментальных дисциплин, а также прогнозов и проектов. В результате экспертной деятельности формируется сравнительно объемный и универсальный рынок переработанной информации в виде справочников, таблиц данных, периодических сводок, отчетов, которыми пользуются инженеры, технические сотрудники, политики, широкие слои населения. Если в области фундаментальных научных исследований отбор, синтез, оценка информации зависят от коллегиальных процедур и традиций ее распространения, то экспертное знание выполняет, как правило, легитимирующую функцию, усиливая или ослабляя позиции той или иной (доминирующей в обществе, властной) группы. Сама легитимация апеллирует к процедурам, не имеющим когнитивного статуса: усилению риторической роли экспертного сообщества, дезактуализации контраргументов, интерпретативной гибкости научных и технических утверждений.

Нормативная организация сообщества экспертов накладывает отпечаток на эпистемологические процедуры отделения вопросов истинного от вопросов должного, т.е. установления фактов от принятия политических решений, существования многообразных точек зрения на специальные вопросы, «характеризующиеся одинаковой или сопоставимой степенью воспринимаемой валидности» [10. С. 48].

Рассматривая особенность экспертной деятельности и экспертного знания в социологическом аспекте, следует сказать, что понимание знания и науки не является исторически нейтральным.

Традиционными функциями науки считаются выявление и изучение законов природы, поиск путей их применения в практической деятельности человека, накопление и обобщение производственных знаний, использование их для разработки новой техники, технологии, организации и управления, изучение законов развития общества, накопление и обобщение социального опыта, разработка новых идей, теорий и программ социального развития. Академический порядок знания связан с переработкой, теоретизацией и производством знания, а технологический порядок знания направлен на поиск, упорядочение и использование уже имеющегося знания в прикладных целях.

Наряду с эмпирическими задачами экспериментальной проверки гипотез и аналитическими задачами исследования концепций и построения тематических моделей, наука демонстрирует способность к обоснованным предсказаниям. Ученые считают своей обязанностью предоставление независимых консультаций, исходя из проверенных знаний, которыми они располагают.

Рамки классической научной политики достаточно консервативны и включают основные направления исследований, подготовку научных кадров, установление международных связей. Для науки как социального института наиболее характерными оказываются процессы когнитивной и профессиональной специализации, что приводит к возрастанию эзотеричности знания и корпоративизации научного сообщества. Внутренняя логика решения научных проблем приводит к усложнению концептуального аппарата науки и методологического инструментария.

Традиционные инстанции (академии наук, исследовательские институты и лаборатории) связаны с классическими формами научного обмена внутри страны и за ее рубежами. Распространение стратегической информации не является их первоочередной задачей. Они также оказываются далекими от процедуры принятия решений. Многие ученые и инженеры оказываются плохими агентами по передаче знания. Их опыт и подготовка часто не дают навыков учета экономических факторов, влияющих на приложение полученных результатов, понимания того, как действуют коммерческие факторы и ограничения. В большей части инженеры работают в организациях с развитой бюрократической структурой, стремящихся к получению прибыли. Этот факт влияет на их поведение с точки зрения коммуникационной свободы. В попытках обеспечить и защитить право собственности организации выстраивают барьеры, мешающие распространению результатов исследований, усиливают режим секретности, проводят мероприятия по селекции информации.

Современная рационализированная эпоха трактует любое знание в утилитарном регистре как универсальное, организационное, нацеленное на экономическую результативность мероприятие. Подобное понимание знания является результатом обобщенной коммуникации, свойственной современному информационному обществу.

Встраивание науки в социальный контекст информационного общества инициирует «изменение общественной функции науки, конкретно влияющей на становление новых форм организации исследований, нового способа применения знаний, новой формы интеграции науки в общественные структуры» [2. С. 68].

Конституирующим фактором новых форм социальности информационного общества провозглашается знание как ядро экономики, как пусковой механизм трансформации социальных структур. В этой связи особый статус придается сообществу ученых как генератору новых социальных связей. Информационное общество оказывается таким типом социума, в котором владение областью нематериального приносит больше стратегических выгод и больше власти над областью матери-

ального. Признано, что некоторые виды нематериальной деятельности, связанные с научными исследованиями, образованием и услугами, имеют тенденцию к тому, чтобы занять более заметное место в мировой экономике. Еще одной особенностью информационного общества является виртуализация науки, экономики и других сфер общественной жизни. Создаются виртуальные предприятия, не привязанные к определенному месту, к национальному государству, которые за счет своевременно получаемой и быстро перерабатываемой информации могут гибко реагировать на запросы рынка, колебания интересов потребителя, самоперестраиваясь в соответствии с этими запросами, становясь саморефлективной системой.

Развитие Интернета также вносит существенные изменения в обозначенные процессы. Новые информационно-коммуникационные технологии оказывают значительное влияние на способы создания знаний. Они обеспечивают значительный прогресс в области доступности и управления знаниями. Создается иллюзия: достаточно научиться отличать, что является грубой информацией или ошибочным утверждением от того, что может быть основой подлинного знания, и Интернет станет гигантским резервуаром идей в форме информации или знания.

Еще одной особенностью оказывается сверхдатизация – перенасыщение данными, т.е. индивидуальными эмпирическими описаниями, заполняющими каналы интернет-коммуникаций. Наблюдаемый избыток информации сможет стать средством для получения дополнительного знания только в том случае, если инструменты, позволяющие обрабатывать эту информацию и преобразовывать ее в знание посредством работы мысли, окажутся на должном уровне. Циркуляция знаний предполагает иную природу информационных обменов. Речь может идти о взаимозаменяемости понятий знания и информации только в единственном случае, если это усваиваемые и обмениваемые знания в адекватной информационной форме.

Информационный подход к знанию исходит из понимания реальности, состоящей из единиц информации, презентующей эту реальность вне личностного и социального контекста. Информация канализирует знания, эпистемологической характеристикой которых являются объективность, независимость от человеческих агентов. В предлагаемой парадигме знания мир мыслится как рационально управляемый через собирание и манипулирование информацией о нем. Отсюда парадоксы информационного общества, на которые обращают внимание исследователи: «...чем больше информации, тем меньше понимания; чем больше информации, тем меньше доверия, чем больше социального инжиниринга, тем больше проблем» [11. Р. 27].

Информационная теория знания понимает под знанием прагматическую конструкцию, лишенную человеческого содержания и социальной рефлексивности, направленную на рационализацию отношений человека к окружающему миру. С эпистемологической точки зрения это определенное, конкретное знание, а его продуктом являются команда и контроль.

Тенденции долгосрочного развития науки на стыке экономики, политики и производства в предлагаемых информационным обществом условиях приводят к тому, что возникает новая включенная в систему принятия решений наука, которая обладает существенными особенностями. К их числу относится то, что знания становятся руководством к действию, происходит конвергенция академического и технологического порядков знания.

Эффект сциентизации различных сфер общественной жизни, включая политику, приводит к стиранию институциональных границ науки, к размыванию академической культуры производства знания, которая покоится на традициях уникальной комбинации конкуренции, взаимного доверия и коллегиальной критики. Подвергаются коррозии представления о науке как о системе, в которой труд каждого человека суммируется ради достижения общих целей и оказывается важным для обеспечения стабильности этой системы и соответствующей мотивации ее членов. Наука не рассматривается более как закрытая, но идеальная социальная система по сравнению с другими общественными институтами, т.е. как система, в которой преобладают общие цели и где культивируются корпоративные ценности сотрудничества, кооперации, критики.

В информационном обществе знания оказываются товаром в виде кодифицированной и подлежащей обмену информации. Знание в результате обработки в базах данных, экономической мотивации научных исследований, интегрированности в производство в качестве технонауки, фактора власти и орудия контроля, в конечном счете, подвергается саморазрушению.

Системный подход к науке и технологии есть фиксирование тесной связи с экономикой, политикой и обществом, осуществляемое в рамках прагматического контекста. Знание и, следовательно, наука превращаются в исходную информацию для экономической деятельности, а новые технологии изменяют способы научной коммуникации. Консьюмеристская составляющая знания как товара закрепляется терминологически: появляются понятия «универмагов мысли», «супермаркетов, торгующих информацией или стандартизированными когнитивными навы-

ками», используются выражения «снимать сливки на рынке наукоемких товаров», «иметь и использовать монополию на новизну».

Ситуация потребовала новых организационных форм экспертных сообществ, какими оказались, например, американские «фабрики мысли», уникальные учреждения, изучающие вопросы, относящиеся к политике и применению технологий. Чем «фабрики мысли» отличаются от других научно-исследовательских организаций?

Во-первых, они не имеют твердо установленных финансовых целей и обязательной структурной принадлежности. При этом они должны быть постоянно действующими организациями в отличие от исследовательской комиссии или специальной группы, выполняющей временную задачу.

Во-вторых, главная функция «фабрик мысли» в установлении связи между знанием и властью, между наукой и техникой, с одной стороны, и разработкой политики в широких областях, представляющих интерес, – с другой.

В-третьих, они ориентированы на научную методологию, но их деятельность не ограничивается научной тематикой. Они обладают значительной степенью свободы как при определении проблемы, которую они решают, так и при подготовке формулировок и рекомендаций.

В-четвертых, они определяют деятельность значительной части остального научного мира. «Фабрики мысли» могут способствовать изменению целей и направления деятельности, что определяет характер заданий, которые получают другие исследовательские организации.

В-пятых, масштаб и сфера их деятельности простираются на группы, составляющие по заданию правительства прогноз будущей политики в области образования, на фирмы, консультирующие правительство по вопросам новых научных методов, или же группу ученых, объединяющихся в научный коллектив для изучения будущего технологии или демократии [3. С. 36–38].

По содержанию деятельности это консультативные группы, региональные исследовательские центры, бюро анализа и приоритетов, национальные институты, управления по контролю. «Фабрики мысли» принадлежат к организациям политическим, которые проводят свои изыскания, руководствуясь определенной идеологической линией, обеспечивая использование, мобилизацию имеющейся информации и знания в интересах определенных политических кругов, для достижения определенных целей и задач.

Однако роль этих организаций определяется еще и тем, что они, во-первых, осуществляют получение новых знаний, новой научно-технической информации по широкому, но имеющему определенную направ-

ленность кругу вопросов, во-вторых, представляют собой канал поступления сведений, знаний, информации, необходимых для принятия решений заказчиком, в первую очередь, государственным аппаратом. Учреждения типа «фабрик мысли» являются формой, которая позволяет объединить представителей различных научных специальностей, являющихся носителями информации по различным отраслям наук, для решения сложных междисциплинарных проблем. Они также представляют специфическую форму концентрации и мобилизации средств, финансовых и интеллектуальных, предназначенных для научной и информационной работы. Рекомендации, которые они предоставляют правительству, нельзя разработать в официальных органах и учреждениях, сотрудники которых приспособили свое мышление к повседневным потребностям и решению конкретных, узких задач.

Политика в сфере знания с экономической точки зрения предполагает лучшую капитализацию знания. Возникает опасность того, что научный капитал как капитал интеллектуальный и культурный оказывается всего лишь переменной величиной капитала экономического. Экономика знания не отражает в полной мере всех измерений знания, связанных, помимо прочего, с определенными ценностями, не сводимыми к рыночному обмену, к деятельности по участию в прибылях.

С интеграцией науки в процессы политического регулирования и экономической оценки она утрачивает свою этическую нейтральность, которая связывается с объективностью научного знания, с консенсусом научного сообщества в отношении истинности знания и критериев ее подтверждения. Возникает ситуация, когда «...система науки более не в состоянии контролировать с помощью своих внутренних стандартов и критериев качество получаемого знания и способы его применения, а также механизмы экспертной оценки. Решающим становится не столько объективность знания, сколько практическая польза его в самых различных сферах применения. Такого рода изменения затрагивают не только участие так называемой дилетантской публики в решениях по поводу бюджета научных исследований или в определении исследовательских приоритетов, но и эпистемологическое ядро науки» [2. С. 68].

Современная научная политика в широком смысле слова – это разработка норм, которой занимаются государственные органы и многосторонние международные организации. Инстанции, управляющие наукой, исходят из потребности иметь ясное представление о том, что, как и с какими результатами делают ученые и инженеры, когда и какую прибыль можно ожидать от научных исследований и технических разработок. Самый высокий уровень принятия решений требует наличия достоверных и соответственно адаптированных научных и технологиче-

ских знаний. Возникают конкурирующие политические концепции относительно того, какую социальную и экономическую роль должна играть наука.

Вопрос о присвоении знаний является одним из важнейших в современной научной политике. Подлинной проблемой оказываются интерпретация научных расчетов и поиск выгоды. Сейчас невозможным оказывается различие между тем, что обладает достоинствами научной теории или имеет рыночную цену. Особый интерес представляет понятие инноваций, позволяющее вывести на передний план роль властных инстанций и лиц, принимающих решения в области управления научной и технической средой.

Многообразные инвестиции оказываются краеугольным камнем любой стратегии научного развития, существование которого невозможно без политической архитектуры. Проблема не сводится только к объемам финансирования. Здесь решаются и такие задачи, как информирование предприятий и гражданского общества относительно научно-технических инноваций, создание правового контроля и процедур мониторинга науки и техносферы. Управление наукой и технологией со стороны государственных и политических структур ведется в сфере предложения и продвижения, предпочтительных с точки зрения действующих лиц, моделей функционирования науки, когда приоритетными объявляются либо фундаментальные исследования, либо внедрение новых технологий, либо поощрение государственного или частного сектора, либо рынка.

Правящие круги должны следить за тем, чтобы стратегически важная информация становилась доступной для них через сеть агентств, автономных советов, интегрированных в государственные органы. Именно в этих условиях увеличивается роль экспертных сообществ. Они возникают как посреднические структуры и сети, действующие с целью ознакомления предприятий с логикой науки, а исследовательских учреждений – с логикой рынка и внедрения новых знаний на уровне технологий. В промышленно развитых странах эксперты ставят на первое место в своей деятельности необходимость обеспечения внедрения результатов научно-технической деятельности, свободу рынка.

Знания и информация превращаются в стратегические ресурсы, что подтверждается расширением секретности в производственной сфере, борьбой за доступ к когнитивным ресурсам. Идут процессы изоляции целых массивов научно-технического знания, подпадающего под режим конфиденциальности или секретности по причинам стратегического или военного характера. Секретные протоколы, конфиденциальные доклады порождают асимметричное противостояние между производителями и

пользователями когнитивного контента. Практикой становится элитарный характер обсуждения важных стратегических вопросов узким кругом лиц, организаций или стран. Формируется власть ограниченного круга экспертов, специалистов по государственным делам, возникает злоупотребление властью экспертов, нажим на них со стороны групп влияния. Знание является само по себе местом осуществления власти, так как оно интегрировано в самую глубину социальных структур, экспертное знание в гипертрофированном виде реализует эту тенденцию.

В литературе отмечается технократический характер экспертного сообщества. Из числа привилегированного меньшинства создается слой менеджеров, призванных принимать решения за остальное сообщество, в том числе в плане выбора направления научно-технического развития. Ключевые фигуры, принимающие решения, – исследователи, преподаватели, журналисты, ответственные деятели неправительственных организаций, представители творческих профессий. Новые организационные формы – смешанные форумы, гражданские конференции, дискуссии с привлечением лиц, наделенных правом принятия решений, парламентариев, представителей частного сектора и гражданского общества. Атмосфера закрытости, секретности, имеющая следствием ограничение доступа к информации, приводит к невозможности эффективного оперирования информацией.

Экспертные структуры формируются на базе международных коллоквиумов, специализированных научных изданий. Научные общества утрачивают национальные черты, растворяясь среди международных организаций. Новые научные общества имеют структуру, свойственную мультинациональным организациям, возникающим на основе самоорганизации, носящей спонтанный и децентрализованный характер. Отсутствует признак территориальности. Организация перемещается из университетских городов в отели, собираясь по случаю проведения тематических конгрессов. Финансирование идет по линии независимых от академической среды источников (грантов, контрактов с неакадемическими организациями).

Экспертному знанию соответствуют особого рода коммуникации, связанные с распространением итоговой информации о результатах исследований в форме научно-технических отчетов как специализированного полуформального документа. Это отчет для финансирующей организации, где она оповещается о полученных данных и результатах, о применяемых методах исследования. Гибкая система распространения отчетов минимизирует контроль авторов предоставляемых материалов над этим видом коммуникации и дальнейшим использованием полученных результатов.

В рамках существующих форм экспертного знания его применение не затрагивает когнитивного содержания научных проблем. Экспертные стратегии относятся к инструментам информационного «менеджмента», обеспечивающего доступность не столько знания, сколько информации. Формируется новая социальная реальность, в которой принятие решений зависит от качества и объема информации и тех, кто работает с информационными системами, кто интерпретирует полученные результаты, кто первым получает к ним доступ и преимущество их первого толкования. Современный эксперт – это датокрыт, т.е. влиятельный советник, специалист в области информационных технологий, который умеет собирать, обрабатывать, систематизировать и оценивать потоки данных, формулировать альтернативные решения и взвешивать их возможные последствия. Прерогатива современных экспертов – информационный сервис, а влияние кроется в их функции информаторов, отвечающих на вопросы, которые им задают, предлагающие решение задач, которые перед ними ставят. Эксперт-датокрыт является примером профессионала в организации, для которого высшим критерием истины оказываются корпоративные интересы.

Экспертные оценки, на которых основывается принятие решений по поводу финансирования исследований, их общественной значимости, могут зависеть от личного мнения и предпочтений экспертов и представляемых ими лоббирующих групп. Критерии, способы и методики определения приоритетов в этом вопросе ведут к непредвиденному деформированию научного ландшафта и исследовательского сообщества. Развитие науки в заданном экспертами направлении может привести к деформации социального института науки, инструментализации научного исследования и технического действия, в том числе и для достижения узко корпоративных интересов отдельных социальных групп, обслуживаемых экспертами.

Деятельность сообщества экспертов, т.е. лиц, связанных с производством и обращением экспертного знания, может быть осознана и содержательно обсуждаться как проблема не только обеспечения технической доступности информации, тенденциозной в силу ее ангажированности, но и как проблема доступности объективного знания относительно социально значимых проектов. Именно свободный доступ к информации и знанию приводит к разрушению доминирования экспертократии, поскольку основой этого доминирования является ее исключительное право на владение недоступной другим информацией, которая циркулирует по закрытым каналам, часто неполная или заведомо фальсифицированная.

Таким образом, свободный доступ к информации и участие широких кругов населения в обсуждении крупных технических проектов создают условия для преодоления власти технократии и экспертократии. Однако в условиях, когда принятие большинства общественно значимых решений возможно только на основе специальных (экспертных) знаний, апелляция к демократическим процедурам принятия решений оборачивается манипуляцией общественным сознанием. «Поставленный перед возможностью – или необходимостью – участвовать в принятии решений, требующих специальных знаний, гражданин, не обладающий такими знаниями, теряет всякую гражданскую автономию: он вольно или невольно легитимизирует и усиливает позиции одной из групп экспертов, участвовавших в формировании самой ситуации, в которой задействованы демократические процедуры» [10. С. 47–48]. К тому же доступность знания для широкого круга лиц зависит от подготовленности, когнитивных способностей, регламентации доступа к содержательной информации.

Между основными нормами деятельности экспертного и научного сообщества возникает разрыв, связанный с ориентацией науки на свободное и широкое обсуждение актуальных проблем и контролем над информацией со стороны экспертов. Извращенно понимаемое стремление к сохранению промышленных секретов вступает в противоречие с нравственным императивом ученого, в соответствии с которым он обязан довести до общественности результаты своей работы, особенно если их применение сопряжено с рисками.

Возникает ряд вопросов, связанных с тем, возможно ли обсуждать проблемы академической свободы в политических и промышленных кругах, а в научных исследованиях применять элементы менеджмента? Как примирить научный рационализм с общественной целесообразностью, а всеобщие интересы с частными?

Ответы на поставленные вопросы лежат, очевидно, в плоскости сближения нормативной базы функционирования научных исследований и экспертной деятельности. Основой сближения должна стать не только междисциплинарность знания, но и использование общего правового и экономического инструментария в регулировании деятельности экспертного и научного сообществ. Необходимость соблюдать принципы нормативной коэволюции осознается остро в связи с тем, что правовые нормы разрабатываются профессионалами в области промышленной собственности – консультантами и экспертами по патентному праву, а также промышленниками без широких консультаций с научным сообществом. Кроме того, это касается и самих ученых, которые выступают одновременно и в роли экспертов, и в роли граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженов Л.Б.* Обладает ли наука особым эпистемологическим статусом? // «Вопросы философии». – 1998. – № 7.
2. *Горохов В.Г.* Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. – 2007. – № 12.
3. *Диксон П.* Фабрики мысли: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. – М.: Алгоритм, 2002.
5. *Микешина Л.А.* Прорыв в новую эпистемологическую проблематику // Эпистемология и философия науки. – М., 2009. – Т. XIX, № 1.
6. *Ионин Л.Г.* Понимание и экспертиза // Вопросы философии. – 1991. – № 10.
7. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс – Традиция, 2005.
8. *Шкурко А.В.* Проблема демократизации экспертного знания в информационном обществе // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды VII Всерос. объедин. конф. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г. – СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004.
9. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М., 2004.
10. *Коул, Дж. Р.* Схемы интеллектуального влияния в научных исследованиях // Коммуникация в современной науке: Сб. переводов. – М.: Прогресс, 1976.
11. *Tsoukas H.* Complex Knowledge. Studies in Organizational Epistemology. – Oxford: Oxford University Press, 2005.